Семья владела изолированной усадьбой с черепичной крышей на протяжении многих поколений, даже несмотря на последнюю войну с немцами. Это был конфликт, который захватил семью Иовану в свои неослабевающие тиски. Пышные, покатые, пастбищные земли лежали рядом с лесистыми холмами и находились в пяти километрах от ближайшего города.

Та война была достаточно плохой, но Иваны перешли на другой уровень, осуществляя свой неослабевающий контроль, когда рухнул железный занавес и из пепла предыдущего конфликта должен был быть построен социалистический рай.

Только в последние двадцать пять лет или около того семья начала по-настоящему пробивать себе дорогу и наслаждаться тем, что до этого было тяжелой жизнью в степи, их домом была ферма, на фоне которой возвышались горы Трансильвании. Здесь была идиллия в теплое весеннее время, в жару летом и неумолимая морозная пустыня в глубине зимы.

У них было несколько гектаров волнистых пастбищ, на которых они разводили большое стадо овец. Кроме того, у них был тщательно ухоженный яблоневый сад, который из года в год приносил богатые плоды. Большой хвойный лес давал достаточное количество дров для костров, а расколотые бревна хранились под навесом дома, чтобы они были сухими на зиму.

Не было необходимости в дорогостоящей механизации, и вместо этого они полагались на одну ломовую лошадь, чтобы тащить повозку, когда сено было заготовлено и сложено в аккуратные стога. Телега поменьше, грубой конструкции, с металлическими валами, старыми автомобильными колесами и шинами, служила для передвижения, а на ее сиденье со скамейкой помещались двое путешественников. Если больше, то приходилось держаться за водителя и его спутника, которые сидели за лошадью и ее звенящей упряжью. В экстренных случаях, но они возникали редко, выручал мотоцикл.

Их жизнь можно было назвать слишком простым существованием, но фермерский дом с побеленными известью стенами всегда держался гордо, а большая семейная комната была дешево обставлена. В центре стоял большой стол, украшенный вышитой скатертью, вокруг него были расставлены стулья, а у стен стояли шкафы, оживленные нарисованными украшениями, нанесенными на их потертые и выцветшие поверхности. Это уютное помещение украшали засушенные полевые цветы, разноцветные кувшины и слишком обыденные кастрюли и сковородки, которые висели на грубо сделанных деревянных колышках, не до конца вбитых в открытые потолочные балки. Большая печь, установленная на потрепанном кирпичном камине, давала много тепла и была центром внимания в комнате, особенно в зимнее время. Глубокий колодец обеспечивал свежей водой как семью, так и домашний скот.

Это была незамысловатая, часто идиллическая жизнь, но она была разрушена всего два года назад, когда умер глава семьи. Курение, продолжавшееся всю жизнь, окончательно добило Йосифа Иовану. Его жена, Кристина, хорошо перенесла его потерю, месяцы ухода за своим мужчиной подтянули ее фигуру и придали ее высокому лицу более бледный, исхудалый вид, энергия Кристины помогла ей пережить последние дни жизни Йосифа. Это были времена, когда она черпала внутреннюю стойкость и готовилась к тому, что неумолимо должно было последовать.

Ее сильный дух не означал, что она не оплакивала своего погибшего мужчину, но напряжение от ухода за мужем до самого его конца взяло свое эмоциональное начало в последующие месяцы, вместе с ноющим чувством одиночества.

Но теперь было видно, что Кристина вернула себе часть своей жизненной энергии. Ее роскошные пурпурно-рыжие волосы всегда были аккуратно расчесаны и закреплены какой-нибудь драгоценной заколкой или небольшой полоской ткани. Серьги всегда можно было увидеть болтающимися и покачивающимися, вышитые блузки в традиционном стиле часто надевались на ее пышное тело, к таким блузкам подходила развевающаяся юбка. Она обтягивала бедра и скрывала крепкие ноги, на босых ногах часто виднелись слишком функциональные сапоги. У нее были свои предпочтения, она делала в своем доме все, что хотела, и жаждала снова по-настоящему разделить с жизнью все то, что та еще могла ей предложить.

Кристина никогда бы не признала, что ее покорило все, что с ней случилось.

Ничто не могло подготовить ее к моментам ноющего, даже сокрушительного одиночества, которое стало охватывать ее по мере того, как проходили месяцы после смерти Йосифа. Такой пустоты она не знала с тех пор, как умер ее третий ребенок, вскоре после его рождения. Это означало конец рождению детей.

Жизнь в ухоженном, но изолированном хуторе только усилила ее страхи перед будущим, которые стали еще острее, когда сын, а затем и единственная дочь пришли к выводу, что они переедут в соседний город и там начнут новую, совсем другую жизнь, которую убедили их открыть друзья.

Так получилось, что, когда Андрей и Эмануэла подолгу отсутствовали, Кристина все больше полагалась на своего младшего "мальчика", Флорина. Он был приемным ребенком, сначала отданным на попечение ей и Джозифу, а затем, когда все уладилось, вошел в семейный дом и в их жизнь, так как между ними возникла безошибочная связь.

До тех пор Флорину было трудно адаптироваться, он был своенравен и непокорный. Но, повзрослев, он стал еще более послушным крепким парнем, которому было уже около двадцати пяти лет. Его песочно-каштановые волосы были коротко подстрижены, как во времена его военной службы, обветренные черты лица были крепкими и в основном небритыми, глаза сияли ясностью, а его готовность встать на место Йосифа и взять на себя обязанности пастуха и дрессировщика двух собак была благословенным облегчением. Овцы послушно паслись в течение всего сезона, а сочные красные яблоки собирались вовремя и отвозились на рынок ими обоими, как это делала она с Йосифом.

Они говорили о перестройке двух пристроек в жилье для отдыхающих, Флорин очистил их и уже приступил к настилке новых полов и ремонту стен, их грубой отделке, известкованию, а также починке окон и их защитных ставней.

Он делал для нее так много, что Кристина чувствовала, как связь между ними становится все

крепче, что между ними возникает совершенно иное чувство товарищества, в котором она так нуждалась.

"Вы меня так утешаете", - говорила она ему, и на мгновение задерживалась на его щеке, когда они ужинали вместе. Это было подтверждением непоколебимой связи, которую она образовала с ним, ее прикосновение было единственным признаком ее облегчения от того, что она не была полностью покинута и вынуждена продать свой дом; отказаться от всех воспоминаний, которые он продолжал вызывать в ней. Она не хотела быть ни в каком другом месте и молилась, чтобы Флорин остался верен этой надежде.

Флорин обладал крепким телосложением своего приемного отца, но не имел ни одной из его привычек. Его даже уговорили надеть кое-что из одежды Иосифа, и вид этой одежды на этом молодом человеке, когда отмечался праздник, был душераздирающим напоминанием о ее погибшем муже. Она была моложе, но с ним была прожита полная жизнь. Теперь, в пятьдесят лет, она чувствовала, что перед ней простираются пустые времена, а также страх перед будущими днями, который она старалась отогнать.

Да, часы дня можно было заполнить мыслями о Флорине, который был рядом и так старательно работал. Они отвлекали ее от вдовьего положения. В их отношениях постепенно происходили едва уловимые перемены, о которых, живя вместе в этом уединенном и уютном фермерском доме, они постепенно узнавали, и никто не должен был об этом узнать.

Вскоре Кристине стало ясно, что ее привязанность к Флорину граничит с безрассудной фамильярностью: она дарила ему томительное прикосновение или поцелуй в щеку, молчаливое выражение того, что происходило в ней; запретное увлечение, которое многие сочли бы греховным и развратным, неприличным, даже если бы не было кровной связи. Она всегда чрезмерно опекала его, возможно, была слишком демонстративна в своих привязанностях, даже собственнической, когда здоровье Джозифа пошатнулось и она стала все больше зависеть от Флорина, чтобы поддерживать ферму в рабочем состоянии, что он и делал.

Они даже заработали немного денег и покупали "лакомства", Флорин убеждал ее потратить часть денег на себя.

"Это поможет тебе чувствовать себя лучше, я уверен", - говорил он с улыбкой.

Я сделаю это, чтобы доставить тебе удовольствие", - отвечала она, и в этих нескольких словах таилась глубокая правда.

Совесть могла беспокоить ее, но кто мог знать, как это происходит между ними и в какой форме это может быть?

Семья Иовану всегда была закрытой, некоторые говорили, что слишком закрытой, что было бы хорошо для них, если бы случилась трагедия. Что ж, так и случилось. Она была слишком молода, чтобы встретить жизнь вдовой или быть одинокой душой. Кристина постепенно поддавалась своим эмоциям и решила, как справиться с ними после того судьбоносного события -

потери Иосифа.

2

Флорин скинул ботинки и толкнул аляповато раскрашенную входную дверь, выцветшая красная краска которой все еще выделялась на фоне шелушащейся побелки стен. Он услышал стук столовых приборов и звон бокалов - на стол накрывали простой обед из сыра, хлеба и яблок. Это была ежедневная еда.

Я ждала тебя", - улыбнулась Кристина, бросив нервный взгляд в его сторону, пока Флорин быстро мыл руки в раковине, поскрипывая ручкой водяного насоса. Ты уехал рано утром...

"Это было к лучшему, что я так поступил", - ответил он, отворачивая лицо, когда она попыталась поцеловать его в знак приветствия. Флорин посмотрел на нее, когда она села рядом с ним, и Кристина погладила голую кожу его сильной руки, на мгновение потрепала волосы на ней, а затем сжала его руку. Я... я не сержусь на тебя, а сержусь на себя, мама, за то, что позволила этому случиться и переспать с тобой".

<http://erolate.com/book/1796/51958>